

Заднее сиденье было просторным, и Ши У так и завис в воздухе, устроившись на коленях у этого человека, не в силах даже пошевелиться.

Это рождало в нём ощущение полной небезопасности — казалось, стоило Сюй Чэню только разжать руки, и он тут же рухнет на пол.

Сюй Чэнь равнодушно скользнул по нему взглядом.

Темнота на дне его глаз была такой густой, словно застоявшаяся, нерастворимая тушь.

Не виделись едва ли полмесяца.

Ши У стал ещё тоньше, чем раньше.

Острый подбородок делал его глаза ещё более жалостливыми и трогательными.

Сюй Чэнь отвел взгляд:

— У тебя есть водительские права, раз ты рискнул сесть за руль?

Ши У мысленно прикинул: здешний Чэн Цзиньян всегда и везде ездил с водителем, так что прав у него, конечно же, не было. И надо же было Сюй Чэню это заметить — он и сам чуть было не забыл об этой детали.

Заметив его молчание, Сюй Чэнь сверху вниз посмотрел на красивые лисьи глаза Ши У.

Влажный блеск делал этот взгляд ещё более жалостливым и чарующим; как и прежде, он обладал невероятной силой обмана.

— Чэн Цзиньян, от чего ты бежишь?

Видя, что тот всё ещё сопротивляется, Сюй Чэнь мягко произнес жестокие слова:

— Ты же знаешь, почему тебе удалось спокойно прожить здесь эти полмесяца и не попасться? Да потому что мы с Чэн Цзиньшэнем просто не стали заявлять в полицию. Иначе на поиски улики, поднятие записей с камер и твой арест ушло бы... от силы сутки.

Зачем... он это говорит?

Хочет показать свое великодушие, вспомнить былое товарищество и дать ему шанс исправиться?

— Но знаешь ли ты, почему мы не обратились в полицию?

У Ши У смутно зародилось недоброе предчувствие.

— Из-за Чэнь Юньлин.

Когда Сюй Чэнь произнес это имя, в его голосе не дрогнул ни один звук — казалось, он полностью отсек все чувства к женщине, растившей его двадцать лет.

— Твоя родная мать, Чэнь Юньлин. Она согласилась сдать полицию. Ради своей глупой выходки с подменой детей годы назад, а еще — чтобы умолить нас не заявлять на тебя. Как думаешь, сколько ей дадут?

Ши У мог и не гадать.

В оригинальном романе Чэнь Юньлин приговорили ровно к десяти годам тюрьмы.

— В конце концов, она твой единственный родственник на этом свете, неужели тебе совсем плевать на ее судьбу? Без согласия семьи Чэн, даже с учетом явки с повинной, ей грозит как минимум семь лет тюрьмы.

Уголки губ Ши У судорожно сжались, словно он хотел что-то сказать. Но в конце концов он лишь молча отвел взгляд:

— Я с ней вообще не знаком. Сколько ей сидеть — какое мне до этого дело?

Взгляд Сюй Чэня постепенно стал ледяным.

— Да уж, не знаком.

Сюй Чэнь смотрел сверху вниз на изнеженное, прекрасное лицо Ши У и медленно стягивал с его рук те самые мозолящие глаза дешевые пластиковые перчатки:

— Семей Чэн ты воспитывался двадцать один год, но разве это помешало тебе предать их?

— С кем ты вообще знаком? Ни с кем.

— Ты признаешь только деньги.

Боковым зрением Сюй Чэнь бросил взгляд на убогий переулок: сосульки на синеватой черепице были кристально чистыми и капля за каплей постепенно таяли. В крестьянских домах неподалеку не было нипола, ни, судя по всему, кондиционера.

Неужели Ши У жил в таком месте?

И он был готов выполнять такую тяжелую физическую работу?

Разве мог он понять вкус нищеты и падения?

Нет, он ничего этого не знал.

Он ничегошеньки не знал.

Он умел только трястись над своими деньгами.

И ради этого без колебаний предал всех.

Решив, что Сюй Чэнь собирается открыть дверцу машины, Ши У забился еще сильнее.

Но он никак не ожидал, что тот просто поднимет перегородку между передними и задними сиденьями, а затем, приподняв его за подбородок, прямо поцелует. Он раздвинул пухлые губы Ши У, сначала словно бы сминая его губной бугорок, а затем проник глубже, похищая последние остатки его дыхания.

Поцелуй был донельзя свирепым.

Ши У застучал ладонью по стеклу автомобиля, словно прося о помощи кого-то снаружи.

Откатите... откройте же дверцу!

Он, кажется, забыл.

Дверь-то он запер собственными руками.

Маленький комочек Ши У зажал между Сюй Чэнем и сиденьем; от поцелуя перехватило дыхание, и его щеки залил яркий румянец. Он беспомощно дрыгал ногами и хныкал, точно запертая в клетке маленькая кошечка, которая выпускает мягкие коготки в знак протеста.

Сюй Чэнь перехватил его отталкивающие руки. Ладони Ши У были мягкими, и в испуге он рефлекторно вцепился в пальцы Сюй Чэня.

Их пальцы сами собой переплелись.

Словно мягкие морские водохрасли обвилились вокруг пальцев, мягкие на ощупь.

Долгое время спустя, когда сидевший на коленях человек уже начал мелко подрагивать от нехватки воздуха, Сюй Чэнь наконец отпустил его.

Ши У открыл рот, судорожно и мелко хватая воздух. Его жестоко потрепали: округлый бугорок верхней губы распух и покраснел, кончик носа покраснелся, а веки припухли.

Из глаз катились слезы, и даже в самом дыхании слышался едва уловимый плачущий отзвук.

Сюй Чэнь легко прижал подушечку пальца к его алому губному бугорку, слегка поглаживая, и произнес бесстрастным тоном:

— Ладно, не буду говорить с тобой о заявлении на твою мать.

— Драгоценный камень.

— Тот самый камень, что ты уничтожил своими руками, был куплен на деньги семьи Чэн. Оставим пока в стороне вопрос о клевете... Что насчет компенсации? Как ты собираешься ее выплачивать?

Ши У очень тихо произнес:

— У меня... нет денег.

Сюй Чэнь холодно усмехнулся.

— Ты же прекрасно знаешь, что те два миллиарда не твои. Чэн Цзиньян, у тебя действительно нет денег.

Сюй Чэнь провел с Ши У бок о бок несколько месяцев: он был очарован им, он же был им предан.

Его жажда к этому человеку, его одержимость, его фальшь и страх перед ним — всё это он знал как свои пять пальцев.

Сюй Чэнь вытащил из кармана листок с оценками.

На его лице не отразилось ни гнева, ни радости.

— Все сдано.

— ...?

Сюй Чэнь развернул аккуратно сложенный листок.

— Ты ведь не заглядывал в свои оценки за этот семестр, верно?

— Все предметы сданы, поздравляю, ты добился своего.

Произнося поздравление, он не вложил в голос ни капли тепла.

Ши У только тогда вспомнил, что, когда он впервые обратился к Сюй Чэню, то говорил, как сильно боится снова завалить экзамены и разочаровать старшего брата. Сюй Чэнь тогда пообещал ему, что всё будет хорошо, он обязательно всё сдаст.

Но стоило закончиться семестру, как грянула история с разбитым камнем, и Ши У больше ни разу не появился в школе, у него просто не осталось сил думать о своих оценках.

Кто бы мог подумать, что Сюй Чэнь пойдет в школу вместо него и заберет его табель.

И более того — будет всё это время носить его с собой.

— Разве ты больше всего не хотел получить акции компании Юньхуа, войти в семейную компанию Чэн, добиться доверия, получить признание брата и стать настоящим членом семьи Чэн, а не ничтожеством в глазах окружающих?

— Но знаешь что? Всему этому не бывать. И дело не в простых зачетах — даже если бы ты сдал всё на высший балл, это бы не помогло. — Слова Сюй Чэня были пропитаны ранящей до боли остротой. Он обнимал дрожащее тело Ши У, а его рука тем временем непроизвольно скользнула вниз по спине и сквозь плотный желтый пластик легла прямо на копчик.

Голос звучал совсем близко, у самого уха.

— Потому что ты — всего лишь замена.

— Занял чужое место, столько лет пробыл в семье Чэн, учился в лучших школах, пользовался лучшими благами — и что с того?

Спина Ши У окончательно оцепенела.

Он просто не мог поверить, что это говорит Сюй Чэнь — всегда такой мягкий по характеру и во всем ему уступавший. Каждое его слово словно сдирало застарелые шрамы Чэн Цзиньяна,

густо засыпая их солью.

— Фальшивка навсегда останется фальшивкой, настоящей ей никогда не стать, разве не так?

— Мозгов нет, и никто тебе не поможет.

— Сюй Чэнь, ты... —

Ши У в гневе замахнулся, но Сюй Чэнь легко перехватил его кулак одной рукой.

— Ты бьешь меня? А о последствиях подумал?

— Я — сын семьи Чэн, я — родной младший брат Чэн Цзиньшэня. Стоит тебе хоть чуть-чуть задеть меня, и никто в семье Чэн не оставит тебя в покое.

Ши У вдруг живо припомнил всех этих управляющих, слуг, целую толпу вечно льстивших ему родственников семьи Чэн, а также его так называемых свиту и друзей.

Да, прежде они превозносили вовсе не его, Ши У.

А юного господина семьи Чэн.

Стоило лишить его этого статуса, и он превращался в ничто.

На дне глаз Ши У постепенно собиралась обиженная влага, зубы скрипели от злости. Кулаки были судорожно сжаты, но ударить Сюй Чэня он больше не смел.

— Пусти меня.

Ши У, пожалуй, никогда еще не испытывал такого унижения — вмиг глаза покраснели, но в них по-прежнему горел упрямый, зловещий блеск.

— Ты и так стал юным господином семьи Чэн, отнял у меня абсолютно всё, почему ты продолжаешь идти против меня? Ты прав, я проиграл, у меня ничего не осталось, всё теперь твое. Ты доволен? Тебе полегчало?!

— Старший брат твой, семья Чэн твоя, Сюй Чэнь, чего тебе еще не хватает? Зачем надо так измываться надо мной?

Рука Сюй Чэня скользнула по его спине, медленно спуская лямки комбинезона, словно ему

претил этот дешевый пластиковый наряд.

Ши У же почувствовал в этом на вид заботливом жесте сплошное оскорбление:

— Что ты делаешь?!

— Издеваюсь? Ты называешь это издевательством?

— А когда ты подшучивал надо мной в туалете с помощью лекарств, когда подставил меня с драгоценным камнем, который я был не в силах вернуть, когда манипулировал моим статусом и обманывал меня — разве у тебя хоть раз проснулись хоть капля совести или сомнений? Ты мог вытворять со мной всё, что вздумается, но стоило мне сказать тебе пару правдивых слов, как это сразу стало издевательством?

Ши У на мгновение онемел.

— Ты прав, теперь всё принадлежит мне.

Сюй Чэнь прижал его к полу и единым движением стянул комбинезон до самых колен.

Этот дешевый, не дышащий материал, плотно облежавший большую часть тела Ши У, вызывал лишь обильное потоотделение, так и заболеть недолго.

Уткнувшись головой вниз, Ши У был вынужден упереться руками в пол. Кровь прилила к голове, и даже его шея покрылась легким физиологическим румянцем.

Его бледные поначалу щеки теперь казались куда более яркими.

— Да, кстати, ты ведь еще кое-чего не знаешь.

— Чэн Цзиньшэнь уже передал мне акции семьи Чэн.

Движения Ши У мгновенно замерли от этих слов.

— Ты... что сказал?

— Акции, — Сюй Чэнь окончательно стянул с него комбинезон; на этот раз сопротивления не последовало — Ши У, казалось, полностью потерял рассудок из-за услышанного, даже пытаясь больше не сопротивляться. — Акции компании Юньхуа, которых ты так жаждал, но до которых так и не смог дотянуться.

— Он отдал их мне на третий день после того, как признал меня.

Тело Ши У оцепенело целиком.

В те дни, когда он был младшим братом Чэн Цзиньшэня, как бы он ни капризничал, ни умолял, ни ластился.

Как бы ни старался сдавать экзамены, как бы ни просил Чжоу Лин помочь ему открыть ювелирную компанию, как бы ни нанимал Сюй Чэня для дополнительных занятий.

Всё, что он делал.

Всё было ради того, чтобы заслужить признание брата и получить акции семьи Чэн.

Потому что, по его мнению, только если бы Чэн Цзиньшэнь отдал ему акции, это можно было бы назвать признанием.

И только так он мог бы считаться настоящим юным господином семьи Чэн, закрепиться в высшем обществе, а не слыть на каждом углу глупым и никчемным нахлебником, пригретым семейством Чэн.

Но то, чего он не мог достичь, несмотря на все свои старания.

Сюй Чэнь получил всего за три дня.

Он так и знал.

Сюй Чэнь был идеален — именно таким братом и хотел обзавестись Чэн Цзиньшэнь.

Ши У опустил голову, храня гробовое молчание.

Крупные слезы падали вниз, разбиваясь о мягкий ковер.

Сюй Чэнь не слышал звуков его плача, но когда приподнял парня за талию, его пальцы ощутили ледяную влагу.

Мужчина слегка замер.

Во взгляде Сюй Чэня мелькнула темная тень. Он протянул руку и открыл дверцу автомобиля, больше ничего не говоря.

Лишь с напряженным лицом он выбросил прочь из машины и этот совершенно не шедший Ши У пластиковый комбинезон, и перчатки, испачканные грязной водой, приказав телохранителю разобраться с ними.

Вскоре телохранитель занял водительское кресло, а с трудом оправившийся от головокружения Чэн Цзиньшэнь забрался внутрь с другой стороны.

Ши У сидел посередине.

По обе стороны от него расположились двое подтянутых мужчин с пугающе тяжелой аурой; давление внутри машины было настолько удушающим, что пошевелиться никто не смел.

Телохранитель достал с заднего сиденья аптечку, Чэн Цзиньшэнь слегка обработал глубокие следы от наручников на запястьях, наспех замотал их бинтом и с холодным видом поднял глаза. В салоне автомобиля витал слабый запах лекарственного спирта, от которого веяло пронизывающим холодом.

Чэн Цзиньшэнь посмотрел на покрасневшие губы Ши У и его влажные, покрытые испариной ресницы, рука с раненой костяшкой стерла влажный след у него в уголке глаза, и он крепко стиснул зубы:

— Чего это ты сейчас глаза раскис.

— Скоро ты у меня еще и реветь будешь.

Тело Ши У сильно задрожало.

Машина тронулась с места. Услышав звук разбитой посуды и обслужив двух клиентов, хозяин забегаловки заглянул на кухню, но там уже было совершенно пусто — ни души.

Лишь в водопроводной трубе непрерывно журчала вода.

Он озадаченно почесал затылок, подмел осколки и вернулся в зал.

Тем временем всего в двадцати метрах отсюда, за углом переулочка, автомобиль медленно выехал на загородную дорогу.

Запах мандаринов и лекарств в салоне постепенно рассеялся.

Его место стал заполнять неповторимый тонкий аромат, присущий только Ши У.

Очень необычный запах, напоминающий зимнюю орхидею вперемешку с сладкой гарденией — чистый, нежный и чарующий.

Холодный ветер с улицы ворвался в салон, и Ши У с досадой натянул белые подъемы стоп. Даже округлые пальцы ног сжались, сминая трикотажную обивку спинки сидения.

Сюй Чэнь бросил взгляд на его обдутые холодным ветром сжавшиеся щиколотки, протянул руку, прибавил температуру кондиционера и поднял стекло.

Достав из бардачка между сиденьями шерстяной плед, он с холодным выражением лица бросил его на заледеневшие ноги Ши У.

Он потратил почти целую неделю, сменил столько пересадок и семь-восемь раз его тошнило, пока он бежал те двести километров.

А братья Чэн потратили всего три часа, чтобы вернуть его обратно.

Видя, как машина въезжает в старый особняк семьи Чэн, Ши У чувствовал себя так, будто его привозят в огромную тюрьму.

Сбегая из семьи Чэн в самом начале, он даже не оглянулся назад — он ведь и подумать не мог, что однажды сможет сюда вернуться.

Теперь ему действительно стало по-настоящему страшно.

Он непрерывно звал систему:

— Что делать, что делать, я труп!

Система:

— Не паникуйте, сначала держите образ, только что все было отлично. Мы, мы просто исходим из худшего сценария: переломают ноги — не страшно, переломают руки — тоже не страшно, если сломают пару ребер — ничего страшного... Посмотрите на это проще, у нас же есть бафф от боли...

Ши У:

— ...

Разве можно так утешать людей? От таких слов стало только страшнее!

Он не смел прислониться к спинке сиденья, лишь судорожно сжимал плед на коленях, зажатый между двумя братьями. Он выпрямил спину и сидел так прямо, что ноги и поясница полностью онемели, и при выходе из машины из-за слабости в ногах он едва держался на ногах.

Сюй Чэнь автоматически поддержал его под локоть, а заметив, что ноги действительно не держат онемевшего парня, даже наклонился, бережно завернул эту дрожащую укутанную в плед фигурку и поднял на руки.

Ши У:

— ...

Лицемерное притворство.

Хотя сам же ненавидел меня, этого злодейского пушечного мяса, до глубины души.

Дворецкий торопливо вышел на крыльцо и, увидев Ши У, которого Сюй Чэнь нес на руках, уткнувшись лицом ему в грудь, с облегчением выдохнул:

— Нашли, главное, что нашли...

За эти три часа Ши У пропотел от страха, его одежда из дешевого ситца неприятно липла к телу, да к тому же он проголодался за всю дорогу, так что выглядел совершенно притихшим и увядшим.

Сюй Чэнь отнес его в его прежнюю комнату.

Как ни странно.

Эту комнату Сюй Чэнь почему-то так и не занял.

А ведь это была самая большая спальня на втором этаже, с лучшим освещением и прекрасным видом.

В комнате все осталось прежним, в точности так же, как в день его отъезда, все вещи стояли на привычных местах. На прикроватной тумбочке даже не убрали фоторамку, а в ванной оставили его полотенце.

— Твоя одежда промокла, ее нужно снять, иди помойся.

Почему ему кажется, что этот разговор до боли знаком?

У Ши У, казалось, совсем не осталось сил на сопротивление, и он послушно скрылся в ванной.

Он уже много дней не принимал такую приятную ванну, поэтому, устроившись в гидромассажной ванне, Ши У пролежал там целый час, совершенно не желая выходить.

Казалось, эта полумесячная усталость в один миг рассеялась от одного этого купания.

Наконец, вымывшись до блеска и надев удобную пижаму, он вышел наружу.

Стоило двери ванной открыться, как в нос ударил невероятно аппетитный аромат.

Личный повар семьи Чэн приготовил его самые любимые супы и блюда!

К тому же, учтя, что он слишком долго голодал, все было легким, питательным и отлично усваиваемым — преимущественно супы и бульоны.

После скитаний последних полумесяцев, когда ему приходилось питаться лишь самой простой и грубой пищей, глаза Ши У мгновенно засияли: только потеряв что-то, начинаешь ценить, а кулинарное мастерство в доме Чэн по-прежнему было на высоте!

Он словно снова вернулся в те дни, когда только попал в этот мир: такая мягкая кровать, такая просторная комната, такой широкий балкон, такой восхитительный ужин... Как же долго он всего этого не видел.

Голодный как волк, Ши У уселся за стол, но, помня о своем образе, не стал жадно набрасываться на еду. Вместо этого он взял ложку и сделал вид, будто у него совсем нет аппетита, а на лице застыло предельно мрачное выражение.

— Ешь.

Заметив, что он не притрагивается к еде, от дверей донесся холодный голос Сюй Чэня.

Ши У оставалось лишь зачерпнуть пару ложек каши и отправить в рот.

Самый обычный ужин затянулся, и Ши У, нарочно тянув время, просидел за столом почти еще один час.

После еды дворецкий, по заведенному порядку, принес и подал большую чашку теплого свежего молока.

Ши У выпил больше половины, облизал уголки губ и, втайне от Сюй Чэня, с чувством полного

удовлетворения погладил слегка округлившийся животик.

Сюй Чэнь скрестил руки на груди:

— Наелся. Вот и отлично.

Разведя руки, он направился прямо к Ши У.

Ши У прикрыл ладонью распухшие и саднящие от трения в машине губы и настороженно покачал головой:

— Что ты делаешь?

Этот главный герой-подопечный во всем был хорош.

Только вот непонятно почему, стоило ему разозлиться, как он норовил всех целовать.

Такой способ выплескивать эмоции выглядел поистине странно. Сюй Чэнь достал из стеклянной витрины у входа изящную маленькую коробочку. В комнате горел лишь небольшой напольный светильник, но когда Сюй Чэнь открыл крышку, простой с виду браслет заискрился мерцающими яркими лучами.

— Ты помнишь, я говорил, что если ты сдашь все экзамены, то я кое о чем тебе расскажу.

Ши У опустил взгляд и увидел, как в подарочной коробке тихо лежит платиновый браслет известного международного ювелирного бренда — из тех, где стоимость даже самого простого платинового кольца превышает сто тысяч.

Из-за огромной наценки за бренд покупка была совершенно непрактичной для Сюй Чэня, который месяц назад оформлял ее в спешном порядке. Для Сюй Чэня, бывшего тогда еще бедным студентом, соотношение цены и качества было нулевым.

И тем не менее он его купил.

Потому что уже тогда он знал: юный господин Чэн пользуется только самым лучшим.

Ши У был изнеженным и дорогим.

Дешевые вещи он бы не принял.

Сюй Чэнь открыл коробочку, достал оттуда браслет стоимостью более трехсот тысяч и застегнул его на тонком белом запястье Ши У.

Ши У попытался снять браслет.

Сюй Чэнь не позволил.

Перехватив его руку, он с усилием потянул в противоположную сторону. Сколько усилий прилагал Ши У, столько же прилагал и Сюй Чэнь, безупречно контролируя каждое движение — браслет замер чуть ниже косточки запястья и не сдвинулся ни на миллиметр.

Ши У поднял глаза и с мрачным видом резко оттолкнул его:

— Что ты творишь?

Сюй Чэнь издал тихое хмыканье.

Резко перехватив руку, державшую коробочку для подарка, он крепко прижал его к себе. Коробочка со стуком упала на пол.

Ши У:

— ...

Взгляд главного героя-подопечного казался... пожалуй, и вправду пугающим.

Из-за этого Ши У даже немного потерял контроль над выражением лица.

На нем невольно промелькнул слабый испуг.

— Знаешь, с какими чувствами я покупал этот браслет на первые заработанные на стажировке деньги? В то время ты ходил в больницу проведать мою маму, и она спросила, какие у нас с тобой отношения.

— И тогда я ответил ей.

— Что ты мне нравишься.

Ши У резко замер.

Столь будничное признание, поданное в косвенной речи, словно речь шла о погоде, надолго приковало его к месту.

Что?

Что сказал главный герой?

Краска с лица Ши У вмиг полностью исчезла.

Сюй Чэнь? Нравится ему?

Погодите-погодите, что это за поворот сюжетной линии. Разве ты не должен любить Цинь Юня? Разве не он помогал тебе справиться с проектом в Юньшане?

Почему ты вдруг вспыхнул чувствами ко мне, пушечному мясу и злодею? Я... я ведь был так плох с тобой, почему я тебе нравлюсь?

— В тот самый день я и купил этот браслет.

— А всего несколько дней спустя твой драгоценный камень украли.

Сюй Чэнь горько усмехнулся:

— Ты лично указал на меня в полицейском участке, заявив, что я главный подозреваемый.

Чем дальше слушал Ши У, тем сильнее чувствовал неладное.

Он медленно, едва заметно, отодвинул пятку назад на полдюйма.

Сюй Чэнь резко сжал его запястье и рывком притянул ближе.

Чарующий ночной ветер, проникнув сквозь щель в окне, взметнул белую занавеску и пронёсся между ними.

— Понял ли ты меня, Чэн Цзиньянь?

— В то время как ты шаг за шагом подходил ко мне с фальшивой улыбкой, подставлял меня и пытался разрушить мою жизнь...

— Я отдал все свои сбережения, чтобы купить его, и бесчисленное количество раз репетировал в мыслях, как надеть его на это запястье, чтобы ты принял мои чувства.

Сюй Чэнь опустил взгляд на браслет на запястье Ши У — всё было точь-в-точь как в его фантазиях. Тонкое запястье казалось невероятно белым, и украшение смотрелось на нем потрясающе.

Глаза Ши У, заплакавшие за последние несколько часов, слегка припухли, под ними залегли темные круги — казалось, он совсем не спал ночью.

Его неизменно яркая и прекрасная внешность походила на обсыпанные инеем и снегом ветви цветов.

Он все еще был красив, но отчего-то казался лишенным жизненной силы.

Ши У дерзил — его это не устраивало.

Ши У молчал — его... кажется, снова все не устраивало.

— И что ты хочешь сказать мне всем этим? — Ши У молча опустил взгляд, стараясь выглядеть абсолютно равнодушным. — Ты что, признаешься мне в любви?

— Я тебе нравлюсь? Тогда ты вернешь за меня долг за тот украденный камень? А что насчет остального — я ведь еще задолжал Цинь Юню пятьдесят миллионов, ты сможешь вернуть и их?

На Ши У все еще была та самая легкая пижама, шорты заканчивались в тридцати сантиметрах выше колен, обнажая прямые и белые ноги.

Из-за недавнего купания колечки коленей слегка порозовели, напоминая лепестки персика.

Сюй Чэнь не отрывал глаз от его ног.

Его губы были плотно сжаты, и какое-то время он словно не знал, что ответить. В его глазах промелькнула сложная смесь разочарования, терзаний и боли, пока взгляд наконец не стал совершенно безмятежным.

— Ладно.

— Разве ты не любишь деньги?

Сюй Чэнь обхватил его за округлые плечи и не стал толкать на мягкую, уютную кровать — вместо этого он прижал его спиной к холодной деревянной двери комнаты и принялся расстегивать пуговицы на воротнике пижамы, обнажая длинную белую шею.

— Сто тысяч за ночь, как тебе такое?

Под натиском ледяных слов Сюй Чэня Ши У поднял изумленные глаза:

— Ты сошел с ума!

Ши У любил вскидывать подбородок.

Словно гордый и высокомерный маленький лебедь.

Но сейчас ему оставалось лишь покраснеть от слез и позволить издеваться над собой, прижатым к стене для унижения.

Сюй Чэнь обхватил его за талию, прикусывая мочку уха, и, причинив легкую боль, тут же принялся зализывать место укуса — его движения были одновременно двусмысленными и не терпящими возражений.

— Посмотрим, сколько времени тебе понадобится, чтобы накопить на компенсацию за камень и расплатиться с долгами Цинь Юня.

С этими словами он задрал короткую пижаму повыше, обнажая изящный изгиб стройной талии.

...

В самый критический момент за дверью послышался стук.

Это был голос дворецкого.

Сдавленные ругательства застряли у Ши У в горле — он, похоже, очень боялся, что кто-то услышит их в такой момент.

Сюй Чэнь опустил взгляд на его дрожащее жалкое лицо с зажатым ладонью ртом и, даже не поднимая головы, холодно бросил:

— Что еще?

— Молодой господин, старший молодой господин просит Цзиньянь-шаое зайти к нему.

Сюй Чэнь:

— Уже поздно.

— Старший молодой господин велел передать: дела сегодняшнего дня должны быть завершены сегодня же, — дворецкий слегка вздохнул. — Он сказал, чтобы вы не проявляли мягкосердечия и не покрывали молодого господина Цзиньяня.

Покрывали? Проявляли мягкосердечие?

Ши У подумал про себя: вы вообще видите хоть какую-то связь между этими двумя словами и им самим?

Дворецкий немного подождал за дверью, пока её наконец не отперли.

Губы Ши У были ярко-красными, а пижама застёгнута на самую верхнюю пуговицу, однако это не могло скрыть несколько блеклых следов от засосов на его шее.

Даже на мочке уха всё ещё отчетливо виднелся след от укуса.

Дворецкий на мгновение остолбенел, после чего произмолвил:

– Молодой господин Цзинь-янь, пойдёмте со мной.

Спускаясь вниз, Ши У всё ещё чувствовал страх и то и дело оглядывался.

Он смотрел на дворецкого так, будто тот был его спасителем.

Ещё чуть-чуть! И он бы пожертвовал собой ради задания!

Как хорошо, что ты вовремя постучал!

Система посчитала, что он радуется слишком рано:

– Как бы то ни было, я включила тебе блокировку боли.

Приняв его испуганный взгляд за мольбу о помощи, дворецкий тяжело вздохнул:

– Молодой господин Цзинь-янь, на этот раз вы зашли слишком далеко, не вините старшего молодого господина в гневе. Кое в чём ему нужно разобраться до конца, вы всё расскажете как есть, и всё уладится.

С этими словами он втолкнул Ши У в чайную комнату на втором этаже, принадлежавшую Чэн Цзиньшэню.

Раздался щелчок, и дверь затворилась.

В чайной царил полумрак. Двери и окна были плотно закрыты — обычно Чэн Цзиньшэнь принимал здесь гостей, так что звукоизоляция была превосходной.

Из-за этого во всём помещении стояла такая тишина, что было слышно, как падает игла.

Разве что доносилось тихое бульканье кипящей воды.

Чэн Цзиньшэнь был старше его ровно на десять лет, а их родители умерли рано. Старший брат заменял отца, и все эти годы Ши У относился к нему с благоговейным страхом. Впрочем, у самого Чэн Цзиньшэня нрав был не такой уж плохой, а в очках он всегда выглядел особенно интеллигентным и учтивым.

С детства здоровье Ши У было не слишком крепким.

Пусть он не отличался особым умом и порой бывал прескверного нрава,

хотя Чэн Цзиньшэнь отчитывал его бессчётное количество раз, он, по крайней мере, никогда не распускал руки.

Но на этот раз всё казалось иначе.

Казалось, он твёрдо решил преподать ему урок.

– Кому ты слил информацию? И где эти два миллиарда?

Ши У взглянул на лежащую на чайном столике крепкую деревянную палку, поджал губы и опустил голову, молча.

...Только не это.

Неужели Чэн Цзиньшэнь действительно собирается переломать ему ноги?

Какая напасть, когда уже он сможет выбраться из этого мира? Если его забьют до смерти, сможет ли он успешно отсюда сбежать?

У Ши У мурашки побежали по коже, а кончики пальцев слегка задрожали от страха.

– Это семья Чжоу?

– Ты ведь не думаешь, что если будешь молчать до последнего, Чжоу Линь сможет снова отправить тебя за границу?

Чэн Цзиньшэнь протянул руку, взял деревянную палку и подошёл к нему.

Его низкий голос был преисполнен властности человека, привыкшего повелевать.

– Или ты ненавидишь нас и просто не хочешь, чтобы семья Чэн заполучила проект Юньшань? Такова твоя месть? Ты ведь сам говорил: с чего ради разрушена только твоя жизнь? Мы с Сюй Чэнем тоже должны разделить с тобой это падение, так ведь?

...Почему ты так отчётливо помнишь те злые слова, что я наговорил тебе по телефону, братец?

Ши У до смерти боялся деревянной палки, которая вот-вот должна была переломать ему ноги, и хотя у него стояла стопроцентная блокировка боли,

кто же захочет без всякой причины провести оставшуюся жизнь в инвалидном кресле?

В голове Ши У снова созрел хитрый план, и он сказал системе:

– Тогда я лучше пойду к Сюй Чэню. Он по крайней мере не станет ломать мне ноги и даже поможет вернуть долг. Раз уж ты заблокировала боль, то что переломанные ноги, что изнасилование — никакой разницы.

Система принялась лузгать семечки.

– Хозяин, знаешь ли, при изнасиловании чувствуешь не только боль.

Ши У: «.....»

– Конечно, я уважаю твой выбор, тем более что, когда ты только переместился сюда, ты сам сказал, что Сюй Чэнь красивый.

Ши У: «.....» Эй, я совсем не это имел в виду!

– Ты думаешь, какой-то проект Юньшань действительно способен обанкротить всю семью Чэн? Смешно.

Видя, что он продолжает молчать, Чэн Цзиньшэнь протянул руку, толкнул его за плечи и прижал прямо к краю стола. Другой рукой он высоко поднял палку. У Ши У не оставалось выбора, и от внезапного страха он крепко зажмурился.

После первого же удара он испустил вопль. Этот крик вышел до того жалобным, что вполне создавал впечатление переломанной ноги.

Однако после этого он попытался пошевелить обеими ногами.

Они двигались, перелома не было.

– Задница, задница! Чэн Цзиньшэнь не сломал тебе ногу! Бьют по заднице!

Сообразив это с опозданием, Ши У мысленно выругался.

Сколько ему лет, а Чэн Цзиньшэнь воспитывает его таким методом!

Впрочем, так даже лучше: по крайней мере, ноги целы, а значит, потом не придётся садиться в инвалидное кресло.

Хотя боль была заблокирована, реакция тела не обманывала: лоб Ши У покрылся холодным потом, он вцепился в край стола и, в соответствии со звуками падающих ударов, жалобно и надрывно кричал, уткнувшись носом в стол и будучи не в силах пошевелиться.

– Ты думаешь, если ты так поступишь, проект Юньшань достанется семье Чжоу?

Немного побив его, Чэн Цзиньшэнь остановился:

– Наивно.

Ши У крепко закусил нижнюю губу, так что на ней проступила кровь.

Он всегда был изнеженным, и Чэн Цзиньшэнь, рассчитывая силу, не бил слишком сильно. К тому же мягкие ткани не так-то просто повредить ударами, так что, кроме ощущения боли, никаких серьёзных увечий он получить не должен был — в худшем случае пару дней отлежится в постели.

И тем не менее пот пропитал всю пижаму Ши У. У него едва хватало сил держаться за столешницу, и тело неустойчиво сползало вниз.

Его округлые, приподнятые ягодицы резко контрастировали с тонкой, как иридовый прутик, талией.

Лежащий на столе со склонённой головой силуэт казался тощим и хрупким.

Со стороны он выглядел до крайности уязвимым и жалким.

- Говорю тебе, это бесполезно.

Видя такое, Чэн Цзиньшэнь всё же не стал жестоковничать. Он на мгновение замер, придерживая его за поясницу, чтобы тот не рухнул на пол:

- Проект Юньшань уже отошёл семье Чэн.

Ши У: «.....?!!»

- Система, в чём дело?! Как это семья Чэн так быстро заполучила проект Юньшань?! Разве не говорили, что пройдет еще несколько дней?!

- Мировая линия слегка поплыла, у меня фиксируется, что главный герой достиг стопроцентного уровня сияния главного героя. К тому же он сам из семьи Чэн, а раз ты изначально подsunул семье Чжоу фальшивые данные, вполне возможно, что это лишь ускорило получение проекта Юньшань семьёй Чэн.

Что?

Семья Чэн завладела проектом Юньшань раньше времени?!

Тогда какого чёрта я здесь упираюсь?!

Сюжет подошёл к концу, перипетии позади, и теперь уже неважно, вернутся те два миллиарда семье Чэн или нет — на основную сюжетную линию это никак не повлияет.

Чэн Цзиньшэнь разжал руку, и Ши У соскользнул на пол.

Его лицо было бледным, а белая шея покрыта испариной. Казалось, он зря только что принимал ванну — Ши У выглядел так, будто его только что вытащили из воды.

Тонкие белые пальцы потянулись к Чэн Цзиньшэню и вцепились в штанину.

- Перестань... мне больно...

- Те два миллиарда, я... на самом деле...

Чэн Цзиньшэнь привык тонко чувствовать чужие настроения. Заметив, что тот смягчился, он отложил палку и присел на корточки рядом.

- Что, решил заговорить?

Прислушиваясь к тому, как тяжело даётся Ши У каждое слово,

Чэн Цзиньшэнь взял его за запястье, поднимая с холодного пола, и поддержал за талию, чтобы ослабевшему до состояния мягкой ваты Ши У было проще стоять:

- Куда ты дел те деньги, которые присвоил?

Оказавшись так близко, Чэн Цзиньшэнь отчетливо видел, как слегка подрагивают ресницы Ши У.

Под его глазами залегли густые тёмные тени.

Он выглядел невероятно хрупким.

Кончики пальцев Чэн Цзиньшэня едва заметно сжались.

Он протянул руку и поддержал округлые, хрупкие плечи Ши У.

– Если ты всё расскажешь, я могу подумать о том, чтобы простить тебе предательство семьи Чэн. Я даже возмещу за тебя стоимость испорченного драгоценного камня, а наша семья может составить письмо о снисхождении по делу твоей матери. Пока мы не станем чинить ей препятствия, срок её заключения может сократиться вплоть до трёх лет... Разумеется, всё это возможно лишь при одном условии: те два миллиарда до последнего юаня должны быть возвращены мне в руки.

– Ну так что, будешь говорить или нет?

Дверь за спиной внезапно распахнулась, прерывая попытки дворецкого и слуг преградить путь.

– Молодой господин, вам нельзя туда, правда нельзя...

– Старший молодой господин приказал никого не пускать...

Хотя звукоизоляция в чайной комнате была хорошей, Сюй Чэнь, проходя мимо двери, всё же уловил какие-то звуки.

Сначала он подумал, что ему послышалось, но, остановившись, понял — это действительно был стон Ши У. Сквозь плач, похожий на мяуканье котенка, тот плакал особенно жалобно.

У Сюй Чэня что-то ёкнуло в груди, и с мрачным лицом он бросился к дворецкому за ключами, но, не дождавшись, пока их найдут, с размаху ударил ногой в дверь. С нескольких ударов он распахнул её настежь. Перед его глазами предстали валявшаяся на полу трёхпалая деревянная палка и Ши У — весь в поту, бледный от боли и неспособный самостоятельно устоять на ногах.

Зрачки Сюй Чэня резко сузились.

Голос прозвучал остро и гневно:

– Как ты мог его ударить?!

Оттолкнув Чэн Цзиньшэня, Сюй Чэнь закатал Ши У рукава, приподнял одежду и, убедившись, что на руках и плечах нет следов, подхватил обмякшее, исхудавшее тело на руки. Широким шагом он направился к выходу на первый этаж.

– Сюй Чэнь! – Чэн Цзиньшэнь, который уже почти добился своего с помощью кнута и пряника, рассвирепел оттого, что его так грубо прервали. – Что ты творишь?!

– Ты разве не знаешь, что у него слабое здоровье?

В глазах Сюй Чэня бушевало раздражение.

– Он панически боится боли, как ты мог бить его палкой?

– Я не бил сильно, я знал меру. С его упрямым характером, пока не примешься за него как следует, он ни за что не заговорит...

Стоявшие рядом люди попытались перехватить у Сюй Чэня ношу, но он резко отступил в сторону. Велев водителю подогнать машину к крыльцу, он собрался везти его в больницу.

Обернувшись, Сюй Чэнь бросил леденящий взгляд и холодно произнёс:

– Выходит, и раньше ты бил его точно так же? Он плохо учился, у него был взрывной характер, и ты поднимал на него руку?

Дворецкий, заметив, что оба сводных брата, казалось, все последние десять с лишним дней ладившие друг с другом,

вдруг так яростно разругались, чуть ли не доходя до открытого противостояния,

поспешил вмешаться и пояснить:

– Вы не так поняли, старший молодой господин никогда раньше не бил молодого господина Цзинь-яня, это впервые...

<http://bllate.org/book/20856/2104188>